

Верной

Юрий Королев

президент Группы компаний ICS

ДО РО ГОЙ

ИДЕМ,

ГОСПОДА!

Наша страна готовится встать на путь инновационного развития, что подтверждается новыми директивами правительства и даже специальным законом об инновациях, работа над которым сейчас в самом разгаре.

Но на этот путь нам не перейти без инновационного мышления, инжецированного в общественное сознание граждан.

Наша компания, занимаясь проблемами интеллектуальных зданий, давно выработала философию инновационного мировоззрения, поскольку трудно представить более инновационный и вместе с тем интегральный продукт. Как говорил товарищ Троцкий, пропаганда – это когда немного говорят многим, а агитация – когда многое немногим. На данный момент, когда само явление интеллектуального здания достаточно созрело в информационной среде и ничего никому объяснять с азов не надо, самое время перейти от пропаганды к агитации. Сегодня можно обобщать, выводить зависимости, иными словами, философствовать на эту тему, поскольку философия есть не что иное, как наука обобщений.

Все, о чем мы сейчас говорим, это философия разбавления неэффективного эффективным, философия большого государства, и не революционная, а эволюционная. До приказа сверху мы говорили о концепциях, и наша значимость была в том, что мы видим немного глубже и дальше других, т.е. маркетинговая составляющая нашей организации была более значима, чем продукт, производимый нами. Теперь же сам продукт может стать более значимым, чем рассуждения вокруг него.

Инновационный цикл

Что такое инновационный цикл и каковы его составляющие? Никакие инновации и даже отдельные идеи на пустом месте не возникают: им предшествует долгий процесс общественного накопления знаний, которые затем в виде «сгустков общественного понимания» выходят в информационную среду.

На старте инновационного цикла всегда присутствует идея. У будущего изобретателя есть опыт, есть мечта, есть определенные средства. Но, собственно изобретателем он становится только тогда, когда в его голову приходит идея, озарение. Идея – первый конкретный шаг к воплощению мечты, который может быть даже материализован в виде прототипа. В конце концов, у автора идеи может быть свой «свечной заводик», на котором он ухитрится сработать прототип. Затем он должен будет защитить идею, реализованную на уровне прототипа – запатентовать изобретение. Следующая фаза – создание опытного образца, который изготавливается на более или менее реальном производстве. Для этого требуются средства и возможности уже совсем иного порядка. После того как появился опытный образец, его предъявляют публике. Публика может принять и одобрить новый продукт, представленный в прототипе,

полностью либо частично, оценив отдельные его свойства. Каждый увидит в нем то, что понятно ему, а не автору, поэтому часто бывает так, что идею, которая является для ее автора цельной и неделимой, люди начинают разрывать на куски. После этого изобретение может либо уйти на полку, либо из него могут быть взяты отдельные уникальные, с точки зрения общества, свойства и фрагменты, либо оно продолжает жить и развиваться целиком и в конце концов становится востребованным рыночным продуктом. Его начинают оценивать, продавать, на него появляются заказы.

Обеспечение эффективного инновационного менеджмента, охватывающего все фазы данного цикла, есть краеугольная политическая задача, поставленная сегодня перед обществом. Успешное решение этой задачи поможет преодолеть зависимость нашей национальной экономики от двух-трех продуктов, пользующихся спросом на международном рынке, и довести множество изобретений до стадии опытных разработок. А одним из главных условий организации эффективного инновационного менеджмента является прозрачность: необходимо как можно больше показывать публике предварительные и промежуточные результаты всех этапов инновационного цикла.

Важно четко различать все составляющие инновационного цикла, видеть их взаимосвязь и динамику переходов одной фазы в другую. Например, мечта всегда нематериальна и стремится быть воплощенной в материальную цель, являющуюся средством реализации мечты. Цель – объект экономического, поэтому она может корректироваться в зависимости от имеющихся средств. Инструментом же достижения результата от поставленных целей являются задачи. Именно в блоке задач и находится менеджмент. Если цель – объект инновационного инвестирования, то задачи – это уже профессиональная конкретика, а также экспертиза целесообразности и выполнимости. Анализируя проект, эксперты могут прийти к заключению, что задачи невыполнимы, что они не приведут к достижению поставленной цели или приведут, но ценой слишком больших затрат. Скажем, теоретически можно слетать на Солнце, но стоит это будет столько, что встанет вопрос: а стоит ли овчинка выделки? Задачи могут многократно корректироваться и оптимизироваться по технологическим и экономическим критериям.

Заключительная фаза цикла наступает с появлением результата, выводящего инновационную кривую из области убытков в область доходов. Либо – оставляющего ее в области убытков, что становится причиной банкротства цели, но не мечты и не идеи. Существует понятие идеологического банкротства, но оно, как следует из самого определения, относится именно к идеологии, а не к отдельным идеям или мечтам. Идеология же есть обобщение идей, определенный набор мечтаний. Идеологическое банкротство возможно, когда возникает некая философия, когда можно спорить о несостоятельности идей. И тогда вводится некое промежуточное понятие, которое расположено между мечтой и целью. Оно называется миссией. Это путь от мечты к осознанию цели. При этом деятельность миссионеров обычно не имеет конкретной цели, хотя может быть достаточно энергичной. Они создают островки интенсивной идеологии или критики, которые возникают в болоте безразличия и вокруг которых концентрируются как приверженцы, так и противники данной идеи. Собственно, все общество с точки зрения отношения к тем или иным идеям делится на три группы: сторонников, противников и тех, кому все равно. Миссию тоже можно оценивать с точки зрения ее выполнимости, и это тоже один из элементов инновационного менеджмента.

Миссия выполнима

Итак, мы оперируем сочетаниями «идея – миссия», «цели – задачи», «результат – рынок». Инновационная идея предъясняется рынку после прохождения длинного и трудного пути. Поэтому миссионерская деятельность весьма важна. Мы тоже своего рода миссионеры – по части идеологии эффективности жилья. Наши выкладки показывают, что данная миссия выполнима. И на данный момент прохождения пути от миссии к цели мы находимся в блоке задач. Мы должны сформировать задачи, которые будут реализовываться методом общественного разделения труда. Иными словами, задачи будут розданы множеству наших партнеров, которые миссионерами не являются – они технократы, профессионалы в своих областях, которые за деньги сделают то, что мы закажем. Заказы же должны быть оформлены таким образом, чтобы все, что будет произведено в рамках системы общественного разделения труда, на

этапе сборки сошлось бы само собой в единое целое. Тогда подтвердится состоятельность нашего инструмента планирования. Если же в планировании задач будет допущена ошибка, то реализуемость цели станет более сложной или дорогой; она выйдет из области управляемости целевого блока.

Когда известно, что нужно сделать и почему, можно говорить о сформированной задаче. Если же известно, что, но неясно, за сколько, это нечто пока что находится на уровне миссии. Когда же все задачи сформированы, очевидна их реализуемость и получен хотя бы один наглядный результат, его можно предъясвлять рынку. А рынок может его и не купить. Поэтому самое главное в инновационном цикле – планирование, то, что находится между целью и результатом. Современные бизнес-технологии предусматривают возможность контролировать данный этап. Эффективный менеджмент позволяет значительно сократить сроки от прототипа до появления рыночного продукта, повысить процент выхода инноваций в целом и, говоря уже экономическими терминами, увеличить оборачиваемость инвестированного в инновационный

бизнес капитала.

А вот то, что происходит от озарения до цели, является сверхсложным процессом, и здесь можно говорить лишь об идеологической и философской платформе и миссионерской деятельности по формированию общественно понятной и экономически реализуемой цели.

Китай – друг, враг или так?

Китайская тема всегда волновала умы. Были разговоры о том, что китайцы покупают во всем мире любые новшества, потом раскручивают их на детали и производят клоны. В свое время они закупили у России даже военную технику таким же методом – по одному экземпляру, чтоб было. Рано или поздно пригодится. Подобная политика вполне обоснованно воспринимается многими как экономический шпионаж и воровство идей. Но сами китайцы так не считают. Ки-

Южная Корея, но это все равно один с Китаем регион. Это ли не подтверждение эффективности концентрации большого количества инновационных идей, которые при наличии множества творческих гениев можно обобщать, открывая стране самый дешевый и прямой путь экономического развития! Сколь долго продлится эпоха экономического расцвета Китая, нам неизвестно. Важна сама идеология: владение – ничто, работа – все. Обладание права на труд является для этих людей высшим благом, и поэтому страна далеко пойдет.

У нас тоже говорят, что нужно создавать базу данных по изобретениям. Но кто займется этим, кто выработает философию инновационного мышления в условиях экономики нашей страны, кто будет осуществлять менеджмент инновационных идей? Отдавать все это на откуп какому-нибудь парткому бессмысленно, поскольку партком как общественная организация не формирует экономических целей. Максимум, на что он способен –

все они должны быть обработаны. Как говорят те же китайцы, пускай цветут все цветы. А дальше должна начинаться жесткая борьба идей на реальном рынке. Но борьба не против других идей, а за себя. В условиях прозрачности и честного соревнования.

О движущих началах

А теперь представим себе тот общественно-экономический фон, на котором предполагается запускать наши инновационные кривые. До этого мы много говорили о реальном положении вещей в нашей экономике в привязке к интеллектуальному зданию и эффективности этого решения, затем – о том, что происходит на самом верху, когда был задан инновационный вектор развития страны. Вопрос: а воз и ныне там или все же движение началось? Созданы ли предпосылки для перемещения этого транспортного средства?

Путь от сырьевой экономики к иннова-

тайской цивилизации, мол, три тысячи лет, поэтому все остальные, более молодые цивилизации ей должны. Как бы ни интерпретировать этическую подоплеку данной деятельности, но собирание всего самого лучшего «с миру по нитке», усвоение опыта других стран и дружба со всеми, с кем только можно дружить, привели к тому, что «древний дракон» движется вперед семимильными шагами. Эта страна создала национальную валюту, которая сегодня поддерживает американский доллар, разведала огромное количество недр и начинает самостоятельно добывать нефть и газ, создала собственную металлургию. А про микроэлектронику и говорить нечего, поскольку практически все современные мощности этой индустрии сегодня находятся на Востоке. Есть, конечно, нюансы: Тайвань, Гонконг,

выразить «одобрямц» идею как «нужной и полезной». Это задачу должно решать правительство, имеющее возможности стимулировать инновационное начало в нужных направлениях. Современная экономическая идеология должна измениться и найти выражение в такой государственной политике, когда поддерживают одних и не трогают других. Работаешь – и работай. А хочешь освободиться от налогов, получить преференции, как кто-то еще – делай то же, что и он.

Инновационная идея подобна крупнице золота: чтобы получить несколько граммов желтого металла, нужно переработать вагон породы. Выход инновационных идей (доведенных до состояния продукта) составляет 2%. Это означает, что нужно собрать 50 идей, чтобы получить результаты от одной. Но при этом

ционной предполагает три этапа: этап заметности, этап узнаваемости и этап необратимости. Экономика получает позитивный тренд развития в тот момент, когда доля эффективных продуктов превысит 15,5%. С этого рубежа инновационная экономика становится объективно необратимой, назад ее уже не повернуть. А когда она находится на уровне 0,2-0,3%... Порог заметности – это как проходной балл для политических партий на выборах. Он достигается в момент превышения исследуемой величиной уровня статистической ошибки (порядка 3-5%). Так вот: чтобы можно было сказать, что наша экономика стала инновационной, необходимо выйти на уровень 10, а лучше 15% объема инновационных решений, чтобы сделать их уверенно узнаваемыми. На пороге заметности сейчас находится

наш малый и средний бизнес (4,5 – 4,6%). А, как ни парадоксально, основная плотность появления инноваций сосредоточена либо в технологических гигантах, либо в индивидуальном предпринимательстве. Если одна их часть рождается в процессе реализации национальных проектов на больших государственных, полугосударственных или просто очень крупных предприятиях, то вторая – это частная инициатива, которую необходимо вытащить из тесных рамок мелкого предпринимательства на широкий простор.

О сдерживающих началах

Допустим, у нас возникнет новый виток изобретательства, эффективно поощряемого властями.

Допустим, все изобретения, включая дурацкие и великие, будут покупаться и подвергаться анализу. Возникнет рынок инноваций. Когда рациональные идеи начнут подходить к целевому блоку, возникнет необходимость принятия решений по изменению системы. Кто будет тормозить этот процесс с системной точки зрения? А кто мешает нормальной жизнедеятельности человеческого организма? Болезнетворные бактерии, вирусы. Экономика – тоже организм, и тут свои микробы. Кому-то будет понятнее термин «шумы экономики», кому-то – «энтропия» или «искажения». Одним из синонимов этих понятий на уровне общественного сознания является коррупция – фактор, оказывающий сильное тормозящее воздействие на все социально-экономические и политические преобразования. Коррупционеры на каждом этапе инновационного цикла будут ошпыливать идею: пытаться войти в долю, получить взятку. И поэтому даже при наличии обширного банка изобретений и огромной общественной потребности в инновациях необходимо сделать так, чтобы все слои общества были заинтересованы в появлении конечных продуктов, о которых мечтают их авторы. Но чтобы идеи были понятны, у их авторов должно быть достаточно «сомечтателей» в среде потенциальных пользователей. Однако люди, по крайней мере 96% населения, мечтать не хотят, они хотят «выбирать из». Вы мне покажите, что у вас есть, а я выберу, что мне нравится, и куплю, если будет выгодно. А как это может быть выгодно, если абсолютно все этапы создания продукта насквозь коррумпированы?! Если в цене продукта заложен громадный

процент средств, потраченных на откуп от чиновников!

Воруют, знаете ли...

Недавно подводились итоги восьмилетнего пребывания президента Путина у власти.

Резервный фонд огромный, профицит бюджета значительный, золотовалютные запасы такие, каких в мире почти нет, позиции на международной арене уверенные. Зарплаты выросли во столько-то раз, пенсии во столько-то, экономика на столько-то. Все хорошо. Вот только вопрос: почему при таком росте – столь высокая инфляция? Ведь в своем количественном выражении она отражает шум в экономике, т.е. неэффективные действия, приводящие к тому, что требуется больше денег на устранение последствий непродуманных шагов, замедления работы системы сбыта и пр.

В поисках причин недостаточной эффективности нашей экономики эксперты пришли к заключению, что – да, воруют, конечно, но даже с учетом воровства все экономические показатели в общем и целом укладываются в принятые нормативы. Правда, сами эти нормативы выработаны в 60-х годах прошлого века! Данный казус однозначно указывает на то, что именно правительство несет ответственность за растущую инфляцию. Каким образом могут планироваться продуманные действия в условиях экономического роста, если ориентироваться на прошлый век?! Да мало того, что прошлый век – другой общественно-политический строй, принципиально иные экономические устои! Это все равно, что ехать по современному автобану на скрипящей телеге! И как бы там ни пытались верховные чиновники спрятать свои ляпы в бабушкином сундуке дряхлых нормативов, несостоятельность многих их действий очевидна всем.

Страна прочно сидит на игле продовольственного импорта при наличии богатейших сельхозугодий, включая черноземы. Почему? Когда несколько лет назад в правительстве зашел разговор о необходимости усиленно развивать сельское хозяйство, министр Кудрин ответил: купим все за рубежом. А ведь сегодня мы могли бы не только испытывать меньшую зависимость от импорта, но и непо-

хо зарабатывать на экспорте дорожающего продовольствия, как справедливо замечает г-н Герасченко. Также он отмечает, что помимо вливаний в экономику других стран существует иной способ сохранить и приумножить стабилизационный фонд. А именно – пустить его на развитие собственной инфраструктуры, создание новых рабочих мест. «Строить мосты, дороги, прокладывать трубопроводы и коммуникации. Это – вложения в будущее. Завтра и труд, и ресурсы будут дороже – это неизбежно, цена всегда повышается. Значит, сегодня на те же деньги мы можем построить больше, чем спустя какое-то время. Вот это и была бы реальная поддержка будущих поколений.» (Газета «Аргументы Недели», №20 (106) / май 2008).

А вот Кудрин убежден, что стабилизационный фонд внутри страны ни в коем случае распечатывать нельзя! Во-первых, разворуют, а во-вторых, случится гиперинфляция... Так все-таки министр «кудрит» нам мозги или «русский Геракл» лукавит?

Страшна ли ежу голая инфляция?

Пугать нас инфляцией – это как голой задницей ежа. Она так или иначе была,

есть и будет. Да и воровство процветает испокон веку. Больше или меньше они станут и на сколько – другой вопрос. Но, собственно, почему инфляция должна вырасти до космических масштабов, если страна начнет развиваться более гармонично? Интересная логика получается: чем лучше мы живем, тем хуже нам становится! Кстати, любые устрашающие инфляционные прогнозы меркнут на фоне обычной газетной статьи, в которой читаешь, что «правительство разрабатывает способы недопущения роста цен на бензин до социально опасного порога в 35 рублей за литр»!

Простите, а откуда взяться гиперинфляции при отсутствии дефицита предложений на рынке? Да если даже просто взять и раздать этот стабфонд населению, не так уж много и получится на брата, чтобы можно было говорить о катастрофе. Кстати, оглянемся на Америку. Как я уже говорил, американцы борются с экономическими кризисами не путем консервации средств, а, напротив, самыми что ни есть популистскими методами. Стимулируют покупательскую способность населения любыми путями, поскольку экономика жива, куда покупают, а как только перестают покупать – экономике крышка. Ну, переусердствовали малость с кредитованием, получили ипотечный кризис. Переживут, не сомневайтесь! Вспомним и великую депрессию 30-х в

Америке. Коррупция там была – не чета нашей! Масштабнее раз в сто. Но, преодолев опасения по поводу воровства, президент издал указ вложить часть золотовалютных запасов в строительство дорог, обеспечив начинанию соответствующую налоговую поддержку. По истечении лет посчитали и выяснилось, что 60% вложенных денег действительно украл. Но на оставшиеся 40% дорог построили столько, что и на сегодня хватает! И даже то, что прибрали к рукам мафиози, по большей части было вложено в строительство тех же самых дорог, поскольку налоговые послабления тому способствовали. А по поводу сельского хозяйства – дело же не только в том, вкуснее или дешевле своя буханка или привозная. А еще и в том, что ориентация на импорт уродует село, лишает население профильной работы, опустошает территории. Люди, которым нечего сеять и жать, уезжают на заработки в города, тем самым усугубляя гипер-урбанизацию, а оставшиеся на местах приносят общественно значимую пользу по большей части тем, что активно поддерживают отечественную алкогольную промышленность...

Анатомия коррупции

Теперь попробуем разложить коррупцию, что называется, по полочкам, и посмотрим, в какой области отечественной экономики она больше, а в какой меньше. Так вот: 34% коррупции сосредоточено в ЖКХ. На судебную и правоохранительную системы приходится всего 2%! А казалось бы... Остаток делят между собой топливно-энергетический комплекс, система образования и некоторые отрасли экономики.

Получается, что основная коррупция там, где больше населения. Снять по 10 рублей с каждого в итоге выгоднее, чем по 1000 с немногих. Совершенно разные масштабы и риски!

Заметим, что нет ни одной отрасли, которая не поставляет продуктов для ЖКХ. От атомной энергетики до легкой промышленности – все на нее завязаны. А если взять в сумме ЖКХ и топливно-энергетический комплекс, можно сказать, что вся экономика страны работает на эту парочку монстров.

Основная проблема ЖКХ – недоинвестирование, т.е. отложенное на неопределенный срок финансирование, из-за которого и понижается эффективность отрасли. Продукт ЖКХ почему-то всегда полу-

чается недоделанным и требует значительных отложенных расходов на стадии эксплуатации. Все дело в том, что совокупная стоимость владения здесь перевернута с ног на голову: очень небольшая доля ее сидит в создании продукта, и громадная – в его эксплуатации. Все вложения уходят на латание дыр, запрограммированных много лет назад, когда дома еще строились. Исходя из этого можно утверждать, что строительство эффективных зданий сегодня может значительно деактуализировать проблемы ЖКХ.

Что такое хорошо?

Почему я заговорил о сельском хозяйстве и макроэкономических аспектах? Так ведь все это и есть тот фон, на котором предстоит разворачивать инновационную экономику. Фон, с позволения сказать, довольно шумный, непростой. Но допустим, что с момента появления приказа равняться на инновационность многое круто поменяется. Что будет создана система массовых закупок изобретений (сколько, кстати, это стоить-то будет? Дорого? Да, копейки!). Что налоговая система станет лояльной к тем предпринимателям, которые изберут инновационный путь. Достаточно ли этого? Недостаточно. Есть еще одна серьезная проблема. Наряду с системой регулирования необходимо создать еще и систему качества, без которой разговор об эффективности становится бессмысленным. Недавно мне на глаза попался тест дорогих французских колонок в специализированном журнале. Эти колонки оценивались по многим признакам методом субъективной экспертизы. По прозрачности, верности передачи тембра, динамике, глубине звуковой сцены и т.д. И никаких объективных параметров. Они, конечно, существуют – в лабораториях, но кому они нужны на страницах журнала? Однако это High End, который сродни произведению искусства. А дома – как сегодня оценивают их? Да примерно так же: этот дом современный, а этот – старый, дрянь. Но здесь не тот случай, когда достаточно субъективных оценок, хотя бы потому, что это самая питательная среда для той же коррупции. Ведь что сегодня является основой договорных отношений между продавцом жилья и покупателем? Цена. И только. В договоре отсутствует список соответствий здания жестким нормам, а с помощью ценовых манипуляций легко достигается компромисс, при котором многие недочеты перестают (субъективно) замечаться покупателем. И нет таких законов, по которым здание, не соответствующее тому-то и тому-то, не может быть не то что продано за какую угодно цену, но и просто-напросто построено. Касается ли это проблема только лишь нашей области – системной интеграции? Конечно, нет. Ведь мы не одни, и даже не основные в системе разделения труда при строительстве здания. Есть архитекторы, строители, инженеры. Бессмысленно наводить идеальный порядок в

хозяйстве отдельно взятого подрядчика. Ведь прочность цепи определяется самым слабым (а не сильным) ее звеном! Весь наш набор предложений и комплекс работ – это максимум 7% в бюджете строительства здания. Как могут 7% оказаться качественными в составе на 93% некачественного продукта?

От умного дома к инновационной экономике

Переход от строительства обычных домов к интеллектуальным с трудом можно назвать задачей экономического характера. Когда умная электроника управляет климатом и светом – это комфортно и забавно. Но это – дорогая электроника. Поэтому идея электронного дома часто рассыпается, как только заказчику предъявляют преискуртант. Однако у интеллектуального здания есть и несколько иная, далеко идущая задача, реализация которой благоприятно сказывается на экономических показателях не сиюминутного, а перспективного свойства. Есть у него и такая актуальная с точки зрения жизни в информационном обществе миссия, как мониторинг всех процессов. Прозрачность всех процессов, происходящих в доме от строительства до сноса (а не только процессов, связанных с работой насосов и лифтов), дает информацию, которая, будучи накоплена и систематизирована, поможет избежать в будущем многочисленных ошибок. Да, пусть умные дома сегодня дороги по рыночным меркам, но это – прототипы, которые должны пройти длительные испытания. Ведь только те решения, которые проверены временем, можно применять без испытаний!

Интеллектуальное здание является идеальной моделью самого эффективного продукта как главного потребителя всех отраслей промышленности. Мы декларируем развитие инфраструктуры по системным методикам. И методология, которая даже не придумана, а скорее вымучена нами в процессе осознания интеллектуального здания, абсолютно подходит для всего, что связано с инновационной политикой, включая планирование коммуникаций и бизнеса в целом на всех территориях. Она в первую очередь опирается на теорию устойчивого развития территорий, которая является как основным аналитическим инструментом, применяемым для системного анализа нашей миссии, так и эффективным практическим инструментом при реализации

наших проектов, включая Технопарк (см. Летопись..., №№ 1-2, 2007).

От умного дома к территориальному мышлению

Устойчивое развитие – это, по сути, набор формул. Стратегия устойчивого развития основывается на детальном рассмотрении трех важнейших аспектов: экономического, социального и экологического. Исходя из чего мы пришли к этой стратегии? Из эффективности стен и инженерного оборудования, находящегося в пределах этих стен. Осознав, что стратегия эффективности не ограничивается этими стенами и поняв, что интеллектуальное здание нельзя воткнуть куда вздумается. Как и эффективный район. Места для них нужно выбирать очень тщательно, основываясь на территориальном принципе развития, накладывая при этом на карту один за другим транспортно-коммуникационный каркас, историко-культурный, экологический, демографический и т.д. А сам по себе транспортно-коммуникационный каркас в свою очередь может быть создан по такой же схеме и таким образом, чтобы в результате оптимального планирования магистралей и в соответствии со спецификой как природных богатств данного района, так и человеческих ресурсов бы-

ли созданы новые рабочие места. К сожалению, у нас до сих пор территориальный принцип развития подменяется политическим, региональным или индустриальным. То есть население и уровень квалификации местных кадров в расчет не берутся. Наша экономика в целом сейчас проходит период доминанты вертикального осознания рынка. Вертикали, или иными словами индустрии – металлургия, энергетика, транспорт, связь и т.д. – так или иначе разложены по регионам, и каждая корпорация имеет свою структуру на территориях. А вот по горизонтали – по участникам рынка – подобных раскладок нет. Горизонтальная система, как и территориальная, пока не рассматривается. Где, позвольте спросить, единая кадастровая карта Российской Федерации? Ее не существует!

В результате регионы, города и микрорайоны борются друг с другом не за людей, а за бюджет. И не стремятся к выравниванию уровня доходов на душу населения согласно классической немецкой федеративной модели, которая может быть признана оптимальной. Главам территорий все равно, где работают живущие на этих территориях люди. Ставка на индустриальные зоны и спальные районы уже привела Москву к транспортному коллапсу. А почему, спрашивается, те, кто живут в Ясенево, должны ездить на работу на Преображенку, и наоборот? Почему местное начальство под эгидой

заботы о людях развивает строительство торгово-развлекательных комплексов, но не местную промышленность? Таким образом, они решают проблему выходных, усугубляя проблему будней. Почему не сделать так, чтобы жители каждого административного округа по возможности на месте и зарабатывали, и тратили деньги, да и налоги платили тут же, а не у соседей! Если обратиться в Пенсионный фонд или Госкомстат за информацией, где живут люди и где они работают, можно построить карту противоречий, которая, извиняюсь, такое покажет...

Есть, кстати, и исклечение – та гигантская индустрия «нулей и единиц», стоимость которой в мировых масштабах оценивается двумя триллионами долларов, если не больше, и которая не требует точной привязки к дорожной карте с накладываемыми на нее каркасами. Интеллектуальный продукт можно создавать даже дома, не нужны производственные мощности, а нужен компьютер и точка подключения к Интернету. Если Yahoo сейчас продают за 48 миллиардов, а Yahoo вместе с Googl'ом и Майкрософтом по капитализации тянут на пару Газпромов! Станем ли мы полноправным участником этого рынка?

Правда, и тут тоже есть свои ограничения: мне посчастливилось ознакомиться с восемнадцатью презентациями по дата-центрам ведущих IT-компаний, и все они поднимают энергетический аспект

– то, с чем пришлось столкнуться и нам в нашем Технопарке.

Мне было приятно почитать о решениях Sun Microsystems и IBM, позиционируемых как сенсация. Так и подмывало написать им: приезжайте и посмотрите на наши «коробочки», это то же самое, но собрано из дешевых китайских комплектующих и давно работает...

Эффект позитивного размывания

Формирование т.н. размывающих позитивных эффективных процессов должно привести к уменьшению инфляции, коррупции, облегчить компенсацию недостатков и наметить перспективный и справедливый для России путь развития. Инновационные провалы, тяжелое наследие прошлого, издержки старой системы – все это невозможно сломать в одночасье, но можно и нужно постепенно размывать. И в бизнесе, и в социальной сфере, и вообще везде и всюду. Например, отказ молодого поколения от активной жизненной позиции и нежелание что-то изобретать и рожать детей – одно из признаков нашей плохой социальной наследственности. Они хотят развлекаться потому, что это было мечтой их родителей, а затем передалось по наследству детям. Они хотят жить и потреблять, а не выживать и созидать. А было бы неплохо, если б родители сказали детям: денег нет и не будет. Мы доростили вас до сознательного возраста, а дальше крутитесь сами!

А наш русский авось, который прочно укоренился в предпринимательской среде! На каком месте по приоритетности у наших бизнесменов стоит страхование? На восьмом! Предприниматели рисков боятся не очень, они гораздо сильнее боятся чиновников, от которых нужно откупаться.

Недавно у нас проходили учения по противопожарной безопасности с эвакуацией персонала. Пожарные машины приехали через 15 минут после тревоги, потому что их не пропустили в пробках, потом еще столько же разворачивались, потому что улица была заставлена машинами, а потом не смогли въехать в ворота, которые кто-то когда-то неправильно построил. В результате пришлось тратить время на развертывание дополнительных сил и средств. Учитывая, что время активного горения дома примерно 7 минут, можно сказать, что наш дом виртуально сгорел. Но это еще не все:

когда накануне учений персоналу было объявлено, что при эвакуации нужно брать только самое ценное, люди стали задавать вопросы: а что у них самое ценное? Хотя это элементарно: самым ценным являются не ценности как таковые, а бумаги, подтверждающие права на эти ценности. Это – к вопросу о страховании.

Итого:

Как нельзя построить интеллектуальное здание там, где нет соответствующей инфраструктуры, так и инновационную экономику нельзя создать на пустыре. Одних приказов и законов тут явно недостаточно. А нужен системный подход, основанный на стратегии устойчивого развития территорий. Ведь если инновации невозможно будет внедрять в свою собственную промышленность по причине ее отсталости и неразвитости, что тогда с ними делать? Продавать задешево китайцам? Стать мировым поставщиком не только углеводородного, но и интеллектуального сырья? Пора снимать со страны ярлык сырьевого придатка. Отличие развитых стран от неразвитых в том и состоит, что продают они не сырье и не дешевые полуфабрикаты, а готовые высокотехнологичные продукты, цена за единицу веса которых значительно превышает цену на сырье. Пора сворачивать и ростовщические манипуляции со стабфондом, которые по сути ни что иное, как экспорт капитала, возведенный на уровень государственной политики! Некоторые стоящие у руля руководители должны понять, что финансы – это часть экономики, а не наоборот, что не полная кубышка является наилучшей гарантией на случай, если наступит черный день, а реальная сильная экономика с гармонично развитой инфраструктурой. Не понять этого могут только те, в ком коррупционный вирус засел слишком прочно. И вообще – пора. В самом широком понимании этого слова!

